

20 июня поэту, барду и актеру исполнилось бы 65 лет. В этот день по традиции его друзья соберутся в концертном зале "Россия"

Веч. клуб - 1999. - 19 июня - 65

Последний день пришелся на воскресенье, жизнь ушла в понедельник утром. Если точно, Юрия Визбора не стало в половине восьмого утра 17 сентября 1984 года. А ровно за сутки до того случилось чудо: ушла боль. Бывают же такие подарки. Ясно было, что уже никогда не прекратятся эти пытки, и вдруг прекратились. Живите, Юрьосич, в свое удовольствие.

Набор больничных удовольствий сами знаем какой. Юрьосич, однако, не растерялся, своего не упустил. Весь воскресный день в палате умирающего звучали стихи. Палата называлась реанимацией - стихи вернули названию смысл.

Аудитория хорошая: собственная жена, Нина Филимоновна. Собрание поэтических текстов обширное: собственная память, открытый доступ. Выбирал строго. Классикой пренебрег, предпочел современников.

Избранными оказались две вещи.

Чтение одной много времени не заняло, о ней, скромнице, скажу позже. Зато другая - что за вещь! Столь восхитительно вкусно и вместе с этим столь длинна, что сколь бы ни был день зловещ, она, любимая, одна, мужскою рифмою звеня, смогла б уважить злобу дня. То был "Тобольский летописец".

"Летописца" Визбор и читал весь день напролет.

Антоновское яблоко грызли? Вообразим крепкие, как у монгола, зубы. Теперь представим, что они (зубы) вонзаются в него (в яблоко). (Не в монгола же.)

Извините за бедность фантазии, но когда такова плоть стиха, можно не волноваться за полноту жизни.

Соймонов тосковал с утра, -
во сне увидел он Петра.
Царь дал понюхать табак,
но усмехнулся, говоря:
- Просыпнешь,

рваная ноздря!
Сон вызвал острую тоску.
Март.
Отступили холода.
Но вьюги вьют.
До самых крыш в сугробах
тонут города -
Тобольск, Ялуторовск,
Тавда.

А через месяц, поглядишь,
пойдет и вешняя вода.

Соймонов едет на Иртыш,
дабы измерить толщу льда.
- Попогнит нынче, говоришь?
- кричит он кучеру.

А тот:
- Уж обязательно залет!
Отменно беспокойный год!

"Тобольского летописца" нельзя читать: 1) уныло, 2) гнусаво, 3) глумливо, 4) визгливо, 5) с подвыванием. Попробуйте - ничего не получится, плоть стиха этого просто не допустит, она сочная и пахнет здоровьем. Написано, между прочим, в 37 году. Поэта, между прочим, не печатали, держали впроголодь.

У прорубей шумит бабё.
Полощут грубое бельё
из домотканого холста.

Вода иртышская желта,
Как будто мылись
в ней калмык,
Монгол, джунгарец,

кашкарлык,
Китаец и каракиргиз,
И всё течет к Тобольску
вниз.
Зрит Азия из прорубей.

- Нет, не затопит. Не робеи! -
Соймонов кучеру шепнул,
Осколок льда легонько
пнул, румяной бабе
подмигнул.

Последовательность кусков Визбора не заботила, не больно-то важно, с чего началось и чем кончилось. Читал, уставал читать и, едва отдохнув, читал снова. Повторялся, смакуя. Физической слабости не прятал, но и наслаждения не скрывал.

Поэтические пристрастия нашего круга формировались в период явления неведомых имен. Кое-кого из великих мы знали, но эти как с неба свалились. Цветаева! Ошеломление. Слуцкий! Ошеломление. Примерно в это же время возник из небытия и был открыт Леонид Мартынов, которого до смерти Сталина тоже как бы не существовало.

Наверно Визбор выбрал Мартынова еще тогда. Ведь заочным ученичеством у мастеров занимался каждый из нас. Мартынову не было равных в искусстве версификации. Казалось, дай ему любой текст, хоть справочник мелиоратора, и справочник тут же, с листа, будет озвучен точными, сочными, энергичными стихами.

Не знаю, в юности ли Визбор положил глаз на сибирские поэмы Мартынова, но всё последнее время он их выделял, называя "Тобольского летописца" лучшей вещью мастера.

Тут еще вот что имело значение: по своей природе Визбор и Мартынов были близнецы и братья.

В старой Вологде,
На пароходике,
Был у капитана я в гостях;
Тикали хронометры,
как ходики,
Ветерок посвистывал
в снастях,
И читали ночью
мы Есенина,
И над самой палубой как раз
Было небо звездами усеяно
Вкруг звезды Полярной
в этот час.

Что это? Неизвестная песня Юрия Визбора? Нет, молодой Мартынов.

И какой-нибудь подводник,
С бакенбардами брюнет,
Наш маршрут во льдах
проводит,
Навалившись на планшет.
У подводника гитара
И ракет большой запас,
И мурлычет как котят
Гидрокомпас, т.е. компас.

Мог бы быть Мартынов. Но это Визбор.

Про то, как вкусно мурлычет гидрокомпас, из книг не узнаешь, это должно было в ноздри войти. Мартынова называли бывалым человеком, многознатцем, а разве Визбор не такой? Визбор тоже везде бывал, во всем знал толк.

Обоим интересней крутые и соленные характеры, чем "лирический герой", я сам. А какие истории! Арктика и Азия, кручи и солончаки. У Визбора еще и космос, ведь Визбор на тридцать лет моложе. Но

Фото Валерия ВИНОВА

это не тот метафизический Космос, которым кормятся литературные любомудры. Космос - работа, он небезупречен, как сейнер или та же подлодка. В этом космосе в свободную от вахты минуту поют "Лыжи у пещки стоят".

Почему именно эту песню впервые в истории человечества запели под гитару в космосе? По томки непременно зададут такой вопрос историку. Потому что Визбор, ответит историк. Умница. А я бы всё-таки, вопреки формальной логике, упомянул и Мартынова. Пускай Леонид Николаевич песен не

писал, орбитой не востребован. Но ведь пока не востребован! Окажись в космосе Визбор, кого от него там услышат понятливые звезды? Мартынова. То-то и оно.

Пили, ели, говорили, сидя за скорбным столом на визборовских поминках. Единственная свидетельница и участница последнего дня делилась подробностями. Кроме "Тобольского летописца", была в тот день, стало быть, прочитана еще одна вещьца, короткая, но ее Нина Фи-

лимоновна не знала, не помнила. Сказала: это в горах, умирая, сочинила одна девушка, альпинистка.

Лялька, подумалось вдруг. Всё сходилось. Лялька никогда не была альпинисткой и не умирала в горах.

Стихотвореньице прозвучало уже в шестом часу пополудни. День близился к исходу, силы тоже. Визбор тихо повторил две последние строки, сказал: гениально. Несправедливо поругал себя: всю жизнь занимался не тем, лучше бы писал такие стихи.

Я дождался паузы и произнес: "Он читал стих Ляли Розановой". Скорбный стол сочувственно примолк. Никому из присутствующих родственников, альпинистов, журналистов, деятелей, бардов, МПШников, КСПШников и киношников названное мной имя ничего не сказала.

Лялька никогда не печатала стихов, Визбор физически не мог их знать. Она умерла-то еще в шестидесятых и с Визбором физически не пересекалась.

Я повторил: "Это был стих Ляли Розановой. Вот и кончается зима. А жизнь логична и земна..." "Так, так!" - подтвердила Нина Филимоновна. Конечно так, никто не сомневался.

За столом спросили: "Кто такая Ляля Розанова?" Ответить было невозможно. А кто такой, извините, Юрий Визбор? Автор самодельных песен? Борман? Дедушка русской авиации? Визбор это Визбор, слова только мешают.

Лялька это Лялька, наше биофакское почти что всё. Было время, она на меня снизу вверх смотрела. Она была малышкой, я курсом старше. Я и сагитировал Ляльку к нам на кафедру физиологии человека и животных. Прошу заметить: на свою голову, уж Лялька на мне поездила. Зато недавно девушка Надя с 9 этажа сказала в лифте, что знает мою песенку про собачку Тябу. А так - ну, получил бы нобелевскую по физиологии, и кто бы меня знал?

С академией телевизионных наук знакомы? И кем бы был сей час ее уважаемый президент Познер, если бы не Лялька? Володя тоже с нашей кафедры, делал диплом по дыхательному центру рыб.

А какое было бы в стране кино, если бы всем плясавшим под лялькину дудку вовремя переломало ноги. Гарик Дубровский попал по распределению в противочумный отряд. Грузовик перевернулся. Одну ногу ампутировали, другую собрали по кускам. Пошел в сценаристы. "Холодное лето пятьдесят третьего года" видели? Гарик. "Несмеяну" пели? Ген Шангин.

Президента России знаете? Так вот, бородатый Яблоков, Алексей Алексеевич, больше ему не советник. А до Алешки тот же воз, защиту природы, тянул Коля Воронцов, единственный беспартийный министр у Горбачева. А движение снизу, студенческие природоохранные отряды, дело рук Вадика Тихомирова. Академики.

Каждый из нас, перечисленных и неназванных, стал бы конечно утверждать, что я сам, сам, сам. Конечно, сам. Но ведь факт, что все мы дружно и одновременно плясали под лялькину дудку. А требовалось маршрутировать под барабан лысенковского парткома. Сформулирую научно: Лялька -

противотетальный мутант эпохи холодной войны и лысенковского парткома.

Про правозащитников слышали? Сергей Адамович в бытность студентом нашей кафедры Сережей Ковалевым учился в той самой группе, где Лялька была комсоргом.

Про путч еще не забыли? В этой лялькиной группе была одна Люська... Ну, про это как-нибудь в другой раз. Пора заходить на последний круг.

Кстати, Лялька защищала по физиологии сердца, то есть знала сама, что с такими клапанами долго не пропьяшет.

В том же 84-ом году, 20-го июня, Визбору стукнуло пятьдесят. По-прежнему, однако, уже не получалось. Мне, поздравившему его стихами с Белого моря, Визбор написал, что письмо получил, "находясь на очередном СМЭРТНОМ ОДРЭ, на этот раз в онкологическом центре... Так что ПИСИТИЛЕНИЕ мое было встречено на преддвухом ОДРЭ, т.е. домашнем, в окружении группы цветов и приходящих поздравлянтов."

"Письмо это писал приемов в пять."

В онкоцентре из гуманных соображений сделали вид, что провели радикальную операцию. Прошло небольшое время, и хитрость дала трещину - приступы боли продолжали усиливаться, а "какая-то штука в печени" стала просто прощупываться рукой.

Так получилось, что мы с Аллой, моей женой, провели с Визбором весь последний день его предпоследней жизни - той, в которой он еще не был отключен от общений. Было 31 августа, жить оставалось чуть больше двух недель, назавтра его забирали в клинику и изолировали.

Когда начинался очередной приступ боли, Визбор выгонял нас на кухню, но весь остальной объем времени был прожит без потерь. Не надеясь на память, привожу отрывок из написанного сразу после похорон для "Менестреля", газеты московских КСПШников.

"Визбор никак не мог наговориться. И удивительно: разговоры наши были точно такими, как прежде, мы в полной мере удовлетворяли привычную потребность повеселиться, поржать. Лишь одно было впервые: Визбор открыл тетрадь, в которую он записывал свои черновые наброски, заготовки будущих вещей, и читал заготовку за заготовкой, предлагая: "Хочешь? - бери это." Но и тут он всё обставил шутками, потому что не хотел, чтобы тема смерти бросала сентиментальную тень на разговор."

Сентиментальность, и то небольшую, Визбор разрешил себе только на исходе последнего дня. Полностью прочитанное им тогда шестистишие звучит так:

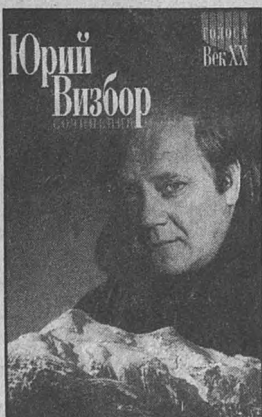
Вот и кончается зима.
А жизнь логична и земна.
Сквозь веки я гляжу
на солнце.
Всё розово - и свет, и тень.
Как медленно течет
мой день,
Как быстро жизнь
моя несется.

Откуда Визбору были известны прощальные лялькины строки, осталось тайной.

Дмитрий СУХАРЕВ

НЕ ИЩИ ЧУДЕС ПРЕКРАСНЕЙ, ЧЕМ ВЕСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

К 65-летию Юрия Визбора издательство "Локид" выпустило двухтомник поэта. Предлагаем читателям "ВК" стихи из этого сборника, которые до этого никогда не публиковались, и некоторые фрагменты из записных книжек.

Не ищи чудес прекрасней
И наивней, и опасней,
Не ищи надежд прекрасней,
Чем весенняя любовь.
Эти ломаные ветки,
Эти с ветками кокетки,
Эти ранние продукты,
Эта ранняя морковь...

Население столицы
Вглубь кварталов удалится,
Чтоб к различным небывалым
Приобщиться в кратком сне.
Лишь возлюбленная пара —
Я, Тамара и гитара —
Ходим — в рифму —
по бульварам,
А без рифмы — по весне.

Май 1980

Ну как нам быть со стариной?
Нам старину забыть едва ли.
Жужжа карманною луной,
Мы легким шагом
в час ночной
девиц к подъездам провожали.

Бывало — множество любвей
Вставало из-за горизонта,
И гнали мы своих коней
И к девам княжеских кровей,
И к Люське — даме
гарнизонной.

Грехов щемящее кольцо
Таинственно нас украшало.
Мы поверяли то досе.
Друзьям, стихам, которые
Нам напечатать не мешало б.

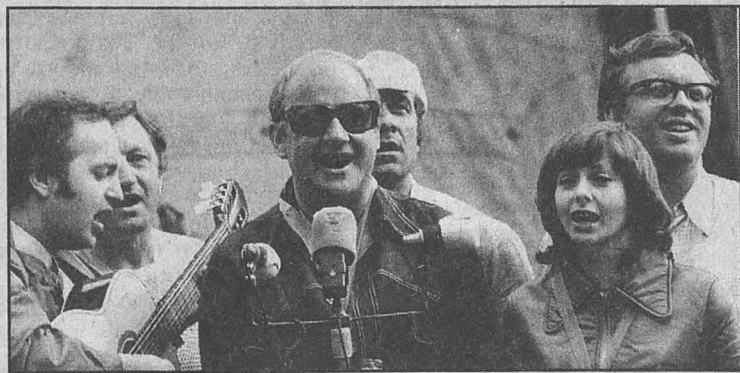
Теперь уж мы не так легки.
Не так играем и рискуем,
И тайные свои грехи
В душе храним мы, как стихи,
Которые не публикуем.

А в оконечных временах.
Надежда нам дана такая:
Поскольку жизнь у нас одна,
Любовь все спит, как война
Последняя и мировая.

27 августа — 1 сентября 1980

Юрий Визбор, Дмитрий Сухарев и Нина Тихонова -Визбор в Красной Пахре. 1984

Классики жанра на Грушинском фестивале. Слева направо: Сергей Никитин, Виктор Берковский, Юрий Визбор, Александр Дулов, Татьяна Никитина, Вадим Егоров.

С Александром Белявским. Кадр из фильма "Июльский дождь". 1966

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Товарищи русский народ! —
сказал нищий в автобусе.

Осветитель в гостинице "Интурист". Утром звонит в ресторан:
— Скажите, у вас можно заказать завтрак в номер?
— Пожалуйста.
— Будьте добры, тогда принесите две бутылки портвейна.

Ты смерти не бойся. Все мы умрем. Все мы смертны. И я умру, и ты умрешь, и дети твои умрут. Ты инвалидом первой группы остаться бойся. Потому что самые любящие от них через полтора месяца откажутся. Не поверил бы раньше, но вижу.

Геолог? Мороз, дождь, град, снег, держись геолог, крепись геолог, ты ветру и солнцу брат, если друг

оказался вдруг — и не пьешь. Не может это быть!

— Ну не пью. Не нравится мне это.

— Да, бывают, конечно, отклонения.

Отрицательные мнения о моих стихах меня не интересуют.

Пьяный поднял голову.
— Мы с тобой, Анджела Девис!

Ах, как вы все фальшивы! Друзья, друзья, выпьем за друзей! Друзья нужны тому, у кого плохо в семье. У кого крепкая семья, тому нужен только цветной телевизор. Телевизор настоящий друг человека. Его всегда можно выключить.

Публикация
Роллана ШИПОВА

"Мотором" общероссийского проекта "Юрий Визбор" стал его исполнительный директор, один из самых известных бардов среднего поколения Константин ТАРАСОВ:

— Визбор был и остается знаковой фигурой в нашей культуре. Вот уже шестой год подряд мы отмечаем его день рождения большим концертом в "России". Это стало одной из традиций Москвы — города, который Визбор очень любил.

К 65-летию Юрия Иосифовича нам удалось реализовать два великолепных, я считаю, проекта. Во-первых, в издательстве "Локид" вышел двухтомник стихов, песен и прозы Юрия Визбора. Практически это полное собрание его сочинений, с большой любовью и тщанием составленное и прокомментированное Ролланом Шиповым. Во-вторых, выпустили совершенно уникальные диск и кассету, на которых записи голоса Визбора, реставрированные с помощью новейших цифровых технологий, впервые соединены с записью оркестра. На все это ушло четыре месяца плотной работы, но результат, по моему, превосходит все ожидания. Такого Визбора мы еще не слышали.

ЮРИЙ
ВИЗБОР

Разрешите
вам напомнить
о себе